

Э. Б. Зальцман

ВОПРОС О ЗАПАДНОЙ ГРАНИЦЕ ЦЕДМАРСКОЙ КУЛЬТУРЫ

5

В научный оборот вводятся неолитические материалы с поселенческих комплексов, расположенных на северо-восточном побережье Вислинского залива. Данные поселения оставлены племенами приморской культуры шнуровой керамики, что не исключает существования здесь в раннем и среднем неолите их предшественников. Хотя характеризуемые ниже древности немногочисленны, они представляют собой редкий пример присутствия в прибрежной зоне групп населения, основной ареал обитания которых традиционно связывается с внутренними областями Прибалтики.

This article presents the Neolithic materials from the settlements on the northeastern coast of the Vistula Lagoon. The settlements were populated by tribes of the Primorskaya Corded Ware Culture. It does not exclude that their predecessors could have lived on the territory in the early and middle Neolithic. Although the antiquities described below are not numerous, they represent a rare case of a coastal zone populated by groups, which have been traditionally associated with the inland territories of the Baltic.

Ключевые слова: северо-восточное побережье Вислинского залива, Калининградская область, неолит, цедмарская культура, пористая керамика.

Key words: north-eastern coast of the Vistula Lagoon, Kaliningrad region, Neolithic, Zedmar culture, porous ceramics.

На территории Калининградской области памятники, имеющие отношение к раннему и среднему неолиту, немногочисленны и известны прежде всего по итогам работ, проведенных на стоянках цедмарской неолитической культуры, расположенных во внутренней юго-восточной части региона (рис. 1). Стоянки гребенчато-ямочной культуры крайне редки. Поселение Шлосс-Казерне в Калининграде получила известность еще в довоенное время [10, S. 267, Taf. 214] (рис. 1). Материалы нарвской культуры, занимающей широкие пространства Восточной Прибалтики и сопредельных территорий, южнее Ниды на Куршской косе не обнаружены.

Цедмарская культура в Калининградской области представлена стоянками Цедмар А и Д, а также Утиное Болото в Озёрском и Краснознаменском районах, раскопки которых проводились в 1905–1914 гг. генералом К. Штади [17] (кроме стоянки Утиное Болото, открытой В. И. Тимофеевым) и продолжались в 1970–1990-х гг. В. И. Тимофеевым [7–9] (рис. 1).

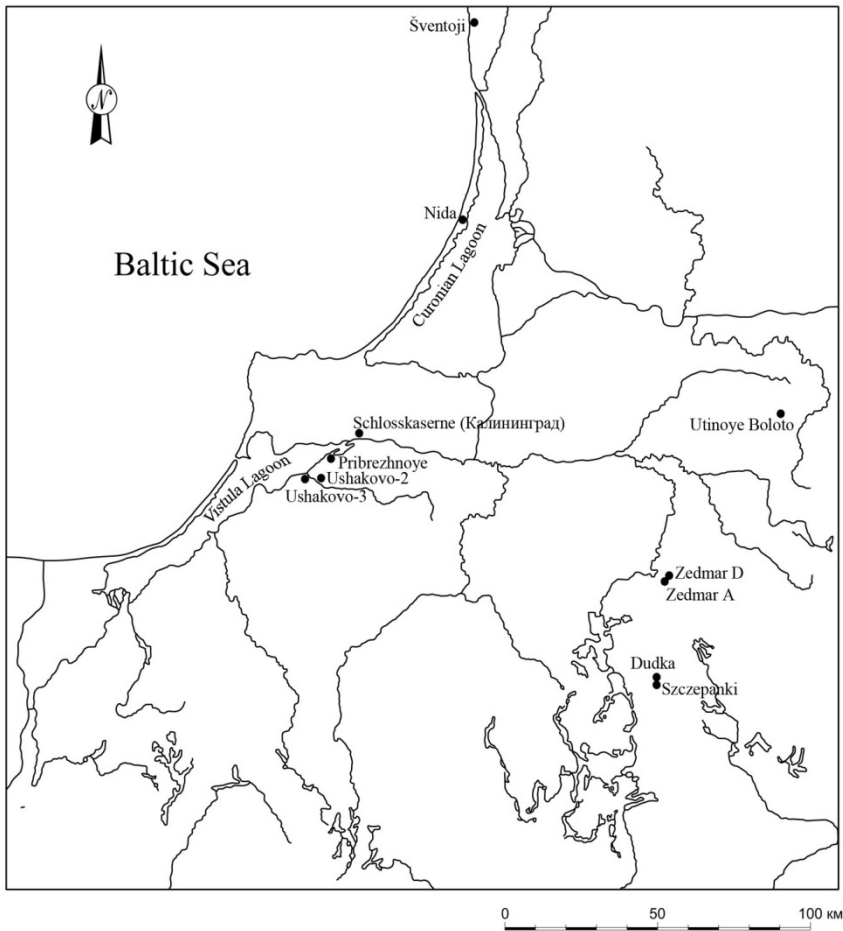

Рис. 1. Карта-схема расположения памятников раннего и среднего неолита в Юго-Восточной Прибалтике (цедмарская и гребенчато-ямочная культуры)

Западная часть Калининградской области, включающей прежде всего побережье Вислинского залива в отношении памятников цедмарской культуры в прошлом не рассматривалась в силу полного отсутствия информации о наличии их в данном районе. В дальнейшем выяснилось, что уже, по крайней мере, начиная с позднего неолита указанная территория активно использовалась сообществами приморской культуры шнуровой керамики. С 1990-х гг. автором в прибрежной зоне исследовалось шесть поселений приморской культуры (поселение Прибрежное и Ушаково 1 – 5) [4]. Поселения Прибрежное, Ушаково-1 и 3 имеют мощный культурный слой, их существование продолжалось не одно столетие (рис. 1). Это связано в первую очередь с привлекательностью ресурсов залива. Соответственно, уже в начале исследований возможность присутствия здесь следов памятников более раннего

времени не исключалась. Неоднократные посещения носителей совершенно различных культурных традиций зафиксированы в Жуцево, где выявлены материалы культуры Эртебелле [14, s. 265], а также в Ни-де, где в среднем неолите существовала небольшая стоянка нарвской культуры [16].

В Прибрежном, которое раскапывалось в течение 16 сезонов, керамика, соотносимая с лесным неолитом, встречалась регулярно, хотя и в незначительном количестве и, как правило, в разрозненном состоянии. Всего обнаружено не более 130 фрагментов керамики, которые не принадлежат основному культурному комплексу. Преимущественно, это пористая керамика, которая в Прибалтике характерна для цедмарской и нарвской культур. Не найдено отдельной прослойки культурного слоя, которую можно соотнести с ранним или средним неолитом, но это объясняется характерными для прибрежного ландшафта песчаными почвами. Однако отдельные объекты, датируемые радиоуглеродным методом не позднее 3700 г. до н. э., на уровне материка зафиксированы. По месту находок материалы конца раннего, а также среднего неолита подразделяются на обнаруженные непосредственно в основании культурного слоя и выявленные в заполнении построек, связанных с ранним этапом существования приморской культуры. Последние соотносятся с протофазой, которая гипотетически выделена в приморской культуре лишь недавно и, по всей видимости, отражают культурные связи местного сообщества КШК [18, p. 279].

Что касается материалов из культурного слоя, то они встречаются в основном в крайней северо-западной части поселения, на понижении. Наиболее вероятно, что данная керамика происходит с периферии неолитической стоянки, большая часть территории которой размещалась непосредственно вблизи древнего берега, ныне полностью заторфованного. К сожалению, основная площадь стоянки (как и территория поселения Ушаково-3) в настоящее время оказалась в пределах частной территории, недоступной для исследования.

Хотя фрагменты керамики из культурного слоя малочисленны, они могут различаться между собой. Причина кроется, по всей видимости, в их культурно-хронологическом положении. Наиболее ранней, однако, является керамика с примесью травы и толченой раковины, от которой сохранились в большинстве случаев только углубления размером до 0,10 мм (рис. 2: 1, 5, 7; рис. 3: 1, 3, 4, 9, 12). В одном случае также отмечается незначительная примесь песка, возможно, случайная. Вопреки многочисленности следов от выгоревшей раковины, фрагменты имеют относительно хорошо заглаженную поверхность. Цвет обломков темно-серый или коричневый. По форме определяются глубокие миски с С-образной профилировкой (рис. 2: 1, 7, 9; рис. 4: 4) и широкогорлые горшки с S-образной профилировкой (рис. 2: 5). Почти все фрагменты данного типа оказались лишенными орнамента. Обнаружено только два фрагмента, орнаментированных округлой или овальной формы ямками (рис. 4: 3, 5).

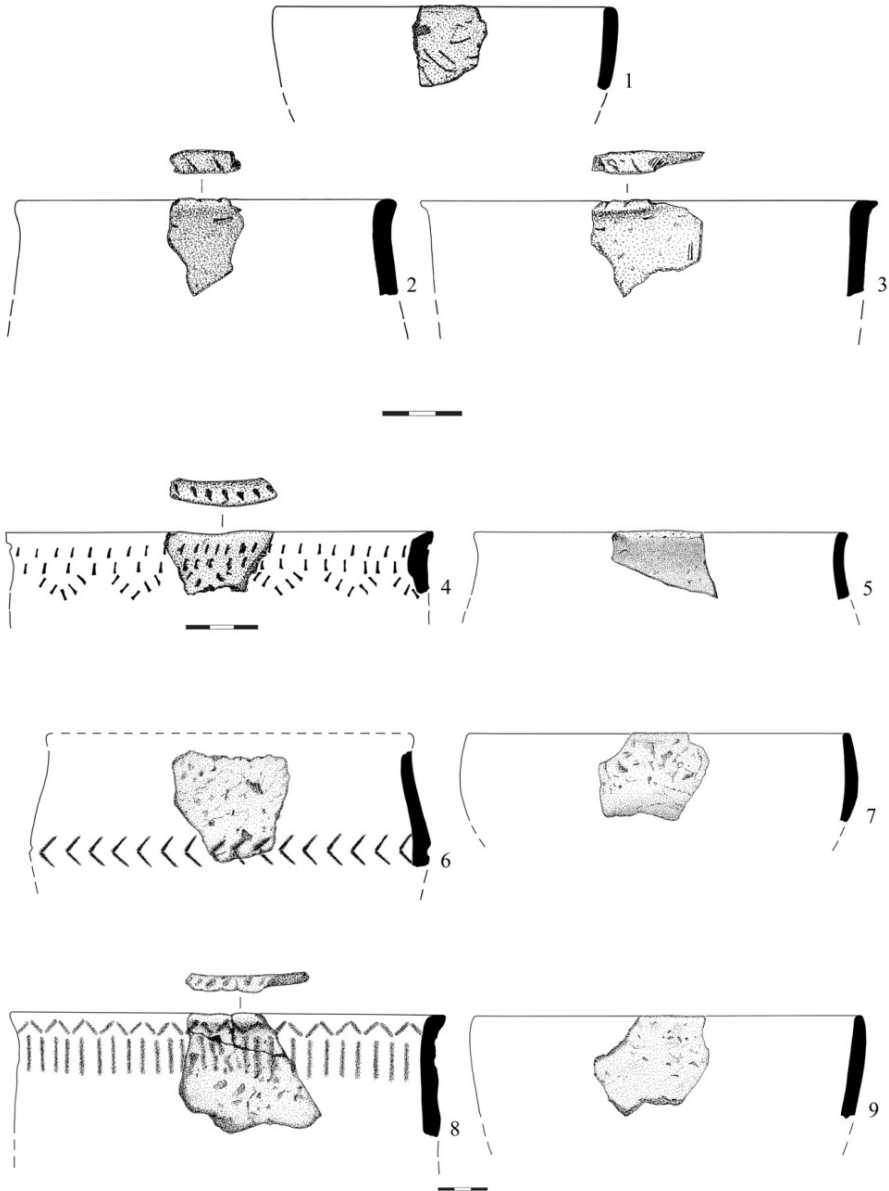

Рис. 2. Поселение Прибрежное:

1, 5, 7, 9 – керамика раннего типа (с раковинной и растительной примесью);
2, 3, 6, 8 – керамика с раковинной примесью из построек. Художник А.П. Сулягин

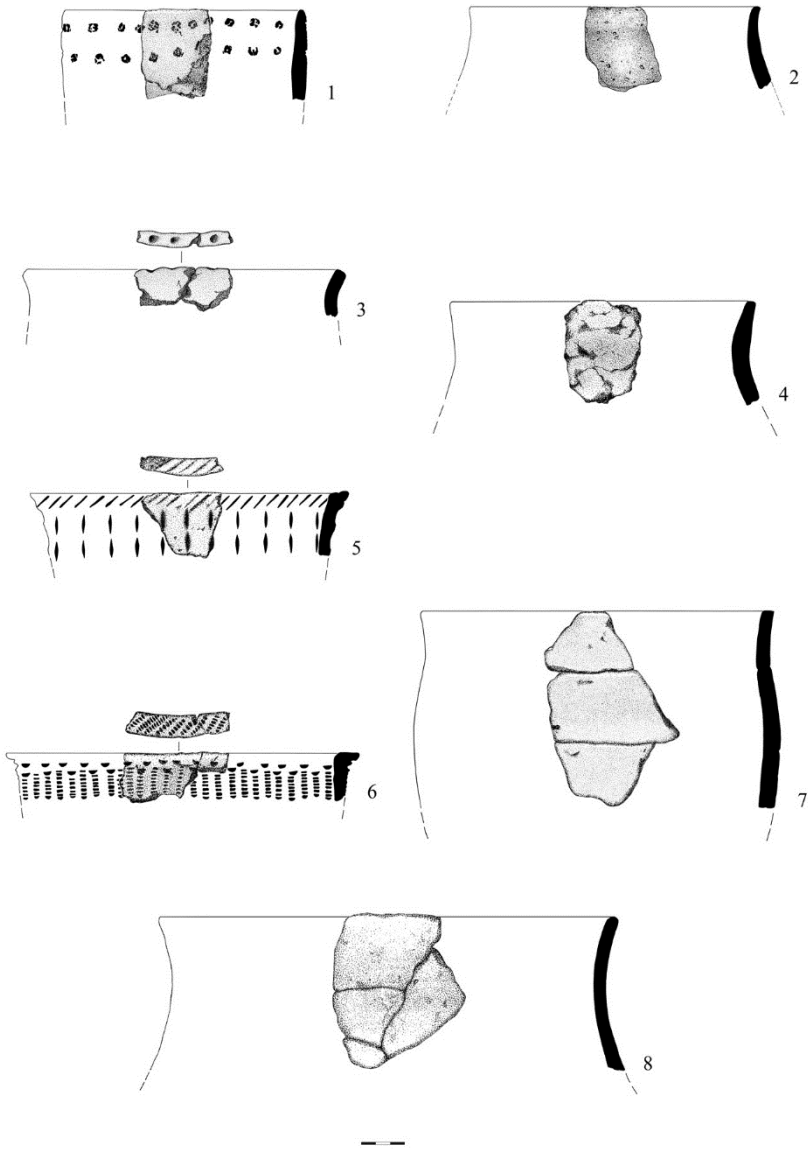

Рис. 3. Поселение Прибрежное. Керамика с примесью песка и органики.
Художник А.П. Сутягин

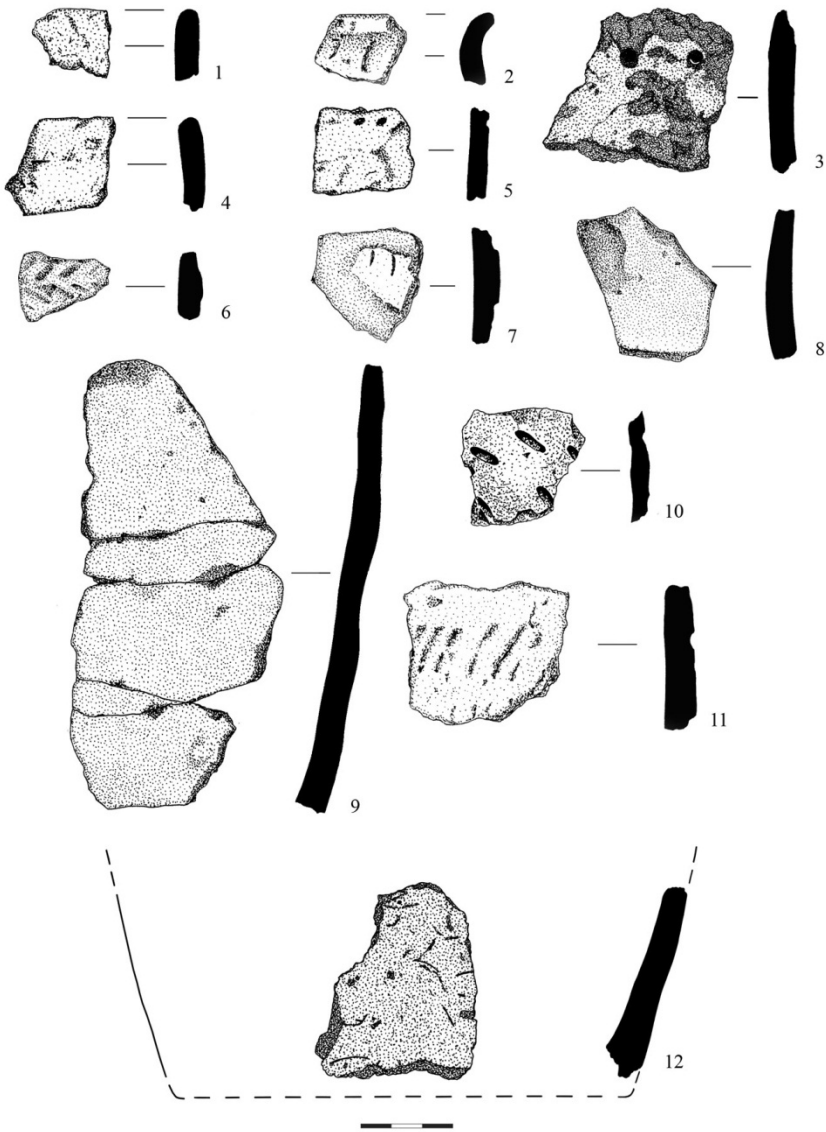

Рис. 4. Поселение Прибрежное:

1, 3, 4, 5, 9, 12 – керамика раннего типа (с раковинной и растительной примесью);
6–8, 10, 11 – керамика с раковинной примесью, из построек и культурного слоя.

Художник А.П. Сутягин

Охарактеризованные фрагменты выявлены вблизи объектов, даты по углю из которых соответствуют интервалу 4800–4450 гг. до н. э. Сами объекты оказались лишены керамических материалов, а в объекте 103 зафиксирован лишь кремневый отщеп. Все-таки наиболее вероятно, что сконцентрированная рядом с объектами керамика с раковинной и растительной примесью связана с хозяйственной деятельностью на данном участке и может датироваться приблизительно тем же временем.

Остальная нетипичная для основного комплекса керамика, обнаруженная в нижней части культурного слоя, по всей вероятности относится к рубежу среднего и позднего неолита. Причем встречается она, пусть и очень редко, по всей площади поселения. Большая часть этой керамики имеет смешанную примесь песка и органики. Только один фрагмент со слегка скошенным коротким венчиком, украшенным насечками, оказался с примесью раковины в тесте (рис. 2: 4). Среди сосудов с примесью мелкого песка и органики выделяются широкогорлые неорнаментированные горшки с S-образной профилировкой и хорошо выраженной шейкой (рис. 3: 2, 4, 7, 8).

Орнаментированная керамика различается между собой, причем в одном случае форма и декор сосуда несут в себе гибридные черты. К сосудам с прямым или слегка загнутым внутрь венчиком относятся два фрагмента, украшенные рядами неглубоких ямок (рис. 3: 1; рис. 5: 7). Также один фрагмент имел декор в виде углублений по краю венчика (рис. 3: 3). Все три фрагмента с преобладанием дресвы в тесте и незначительного количества органики.

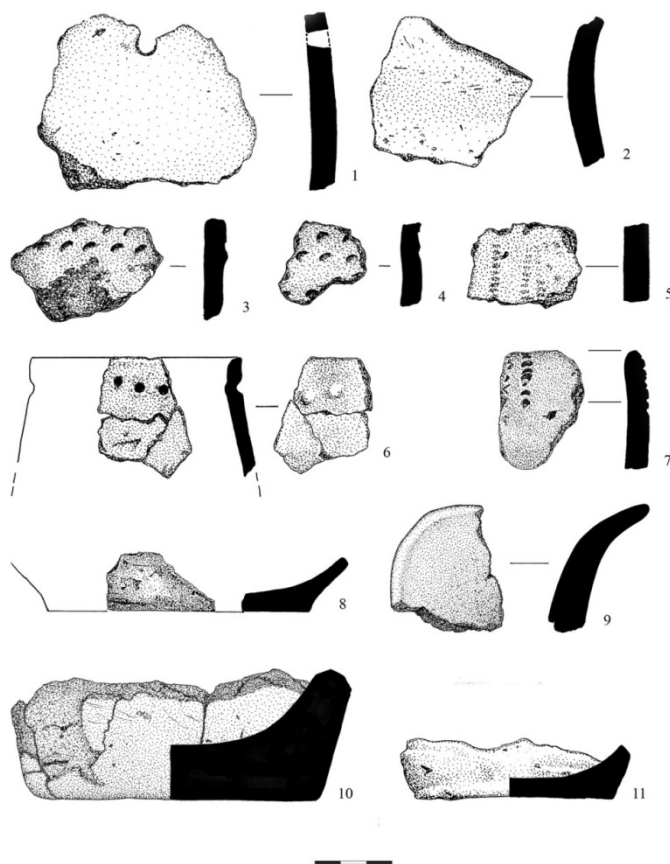

Рис. 5. Керамика с минеральной и органической примесью: 1, 2, 5, 7–11 – поселение Прибрежное; 3, 4 – поселение Ушаково-3; 6 – поселение Ушаково-2. Художник А.П. Сутягин

Что касается чужеродной керамики из построек, оставленных населением приморской культуры, то можно отметить такую деталь, как наличие одновременно в одном сооружении фрагментов с примесью раковины и смешанной примесью с преобладанием песка. В сравнении с посудой, которая принадлежит основному культурному комплексу КШК, такая керамика крайне немногочисленна и ее количество не превышает 7–10 фрагментов на одно жилое сооружение. Причем нередко в одних и тех же постройках встречаются фрагменты с различной примесью в тесте. Наиболее разнообразна керамика из постройки 7. Здесь выявлено два обломка от прямостенного и ладьевидного сосудов с примесью органики и мелкого песка в тесте (рис. 5: 9). В профиле ладьевидный сосуд имеет плавный изгиб, не характерный для мисок овальной формы приморской культуры, не говоря уже об органической примеси, которая ни разу не была зафиксирована для местной посуды КШК. Свообразием отличаются два фрагмента, орнаментированных полукруглыми ямками и гребенкой (рис. 3: 5; рис. 5: 5). Причем такой орнамент наносился и на обод венчика, имеющего Г-образное утолщение. Оба фрагмента имеют примесь мелкого песка и органики. Песок в данном случае преобладает. Кроме охарактеризованных из постройки фрагментов в том же жилом сооружении выявлен фрагмент стенки с примесью толченой раковины.

Керамика иного типа представлена из рядом находящейся постройки 10, где примесь растительная и, в меньшей степени, минеральная, а внешняя поверхность гладкая (рис. 5: 1, 2). Растительная примесь хорошо заметна только на внутренней поверхности фрагментов. Обломки сосудов отличаются плотностью и более тяжелые, чем керамика с раковинной примесью, которые в количестве шести фрагментов стенок также обнаружены в нижнем уровне заполнения постройки 10. Обломок днища с органической и минеральной примесью выявлен и в постройке 4 (рис. 5: 11).

Из постройки 2 происходит небольшого размера венчик Г-образной формы с раковинной примесью, а также массивное плоское днище с примесью органики и мелкого песка (рис. 2: 3; рис. 5: 10). В технологическом отношении аналогичный фрагмент обнаружен в культурном слое северо-восточнее жилища 2. В данном случае он относится к толстостенному широкогорлому сосуду с S-образной профилировкой и высокой шейкой (рис. 3: 7). В верхней части заполнения постройки также выявлено три фрагмента с раковинной примесью. Один из них имел орнамент в виде штампа, образующего рыбью кость, другой украшен оттисками ногтей (рис. 4: 6, 7). Кроме того, на этом уровне заполнения зафиксирован венчик с минеральной и органической примесью (рис. 4: 8). Форма венчика не оставляет сомнений в его принадлежности к цедмарской культуре.

В постройке 1 все четыре фрагмента имели примесь толченой раковины в тесте (рис. 2: 2, 6; рис. 4: 10, 11). Примесь толченой раковины многочисленна, отчего фрагменты отличаются легкостью, рыхлостью

черепка и неровностью поверхности. Как правило, углубления округлой или овальной формы, и они размещаются как с внешней, так и внутренней стороны. Толщина стенок незначительна, варьирует от 0,05 до 0,10 см.

Фрагменты имели разнообразную орнаментацию. Лишь один фрагмент декорирован насечками по краю венчика, остальные украшались или в наиболее выступающей части насечками, образующими рыбью кость, или, возможно даже по всей поверхности, ямками четкой удлинненно-овальной формы и гребенкой (рис. 2: 2, 6; рис. 4: 10, 11).

По одному фрагменту с примесью толченой раковины обнаружено в постройках 6 и 9. Обращает на себя внимание Г-образный венчик, орнаментированный столбиками, образующими вертикальные и зигзагообразные линии (рис. 2: 8). Схема орнамента соответствует стилистике культуры воронковидных кубков (КВК).

Находки неолитической керамики на остальных поселениях единичны, что, в случае с поселением Ушаково-3, отнюдь не означает бедности культурного слоя. Основная площадка оказалась недоступной для исследования. Рядом на нижней береговой террасе в основании культурного слоя, связанного с ранним этапом приморской культуры, выявлено два фрагмента стенок от сосуда с примесью в тесте дресвы, декорированного неглубокими ямками, вероятно, по всей поверхности (рис. 5: 3, 4). Здесь же зафиксирована хозяйственная яма с фрагментом плоского днища с примесью дресвы и незначительного количества органики. Объект по коре березы датируется в промежутке 3770—3660 гг. до н. э. и относится к среднему неолиту.

В Ушаково-2 под слоем, содержащим материалы приморской культуры, на материковом уровне обнаружена хозяйственная яма, в которой находился фрагмент небольшого сосуда с органической и песчаной примесью, орнаментированного глубокими ямками, выпуклости от которых хорошо заметны на внутренней стороне (рис. 5: 6). Вопреки тому, что сосуд напоминает керамику неманской культуры, скорее всего, он также относится к гибридным формам.

Несмотря на небольшое количество охарактеризованных керамических материалов в большинстве случаев их своеобразные черты не оставляют сомнений в культурной принадлежности.

Днища представлены только пятью экземплярами, включая Ушаково-3, но все они плоские, как из построек, так и культурного слоя (рис. 4: 12; рис. 5: 8, 10, 11). Фрагментов днищ конической или округлой формы не выявлено. Примесь в трех случаях состоит из толченой раковины, и в одном — из сочетания органики и песка. В нарвской культуре плоские днища получают распространение, в основном только в позднем неолите [15]. Ранняя плоскодонная керамика с примесью толченой раковины свойственна именно цедмарской культуре [6, с. 105; 7, с. 162; 9, с. 274; 12, с. 134].

Важной особенностью цедмарской культуры является, наряду с органической и раковинной, наличие минеральной примеси в керамике, что особенно характерно для Цедмар Д [9, с. 275]. По В. И. Тимофееву, керамика с минеральной примесью, судя по радиоуглеродным датам,

полученным по нагару на посуде, столь же ранняя, как и керамика с раковинной примесью [8, с. 74]. Появление в цедмарской культуре керамики с минеральной примесью объясняется связями с КВК или Лендъел [8, с. 76]. Эти связи, возникающие, судя по радиоуглеродным датам, около 4300–4000 лет до н.э., подтверждаются и другими признаками: «воротничковым» утолщением по венчику (известному в КВК восточной группы), набором роговых орудий центральноевропейского облика и т.д. [8, с. 75–76].

Ни на одном из фрагментов не обнаружены следы штриховки. Обработка сосудов с внешней и внутренней сторон штрихами – одна из самых типичных черт нарвской культуры [1, с. 114; 2, с. 45; 3, с. 31; 5, с. 48]. Также почти не выявлено фрагментов со скошенным внутрь венчиком, присутствие которого – еще одна широко распространенная особенность керамики нарвской культуры.

Если следовать радиоуглеродным датам, то керамика с примесью толченой раковины в нижней части культурного слоя – одна из самых ранних на побережье (табл.). Но сосуды с S-образной профилировкой, а также с прямыми стенками, имеющие примесь песка и органики (рис. 3: 1, 2, 4, 7, 8; рис. 5: 7), предположительно, соответствуют так называемому постцедмарскому этапу, выделенному в Щепанках В. Гуминьским [13, с. 77], или же малоизвестному периоду, предшествующему указанному этапу. На стоянке Щепанки, расположенной гораздо южнее, примесь песка получает распространение в основном в позднем неолите [13, с. 76].

Радиоуглеродные даты с поселений Прибрежное и Ушаково-3

Памятник	Датируемый материал	Структура	¹⁴ C возраст, ВР	OxCal (2013) 68.2 %	OxCal (2013) 95.4 %	Лаб. индекс
1. Прибрежное	Уголь	Объект № 6	5690 ± 70	4652 – 4642 (2,5 %) 4616 – 4453 (65,7 %)	4691 – 4369 (95,4 %)	Ki-9950
2. Прибрежное	Уголь	Раскоп 14, культурный слой (нижний уровень)	5890 ± 45	4825 – 4817 (3,7 %) 4802 – 4712 (64,5 %)	4898 – 4866 (2,8 %) 4852 – 4680 (91,3 %) 4636 – 4619 (1,3 %)	Ле-8463
3. Прибрежное	Уголь	Объект № 3 object № 3	5910 ± 40	4827 – 4816 (7,8 %) 4803 – 4726 (60,4 %)	4897 – 4866 (4,7 %) 4897 – 4866 (4,7 %) 4852 – 4705 (90,7 %)	Ki-19133
4. Ушаково-3	Кора березы	Горизонт 19, объект В	4860 ± 100	3771 – 3623 (45,6 %) 3604 – 3523 (22,6 %)	3938 – 3868 (5,5 %) 3812 – 3494 (80,9 %) 3466 – 3375 (9,0 %)	Ki-18613

Два фрагмента подобного типа обнаружены в постройках совместно с ранней керамикой приморской культуры. Даты, полученные по углю, кости и лесному ореху из построек, лежат в пределах 3200–2800 до н. э. Фрагмент с примесью дресвы, орнаментированный по краю венчика округлыми вдавлениями (рис. 3: 3), вероятно, старше и находит аналогии в материалах стоянки Дудка, где встречались аналогичные образцы [12, Рис. 5: m,n,g].

Пока не существует твердых доказательств присутствия цедмарского населения в районе Прибрежного непосредственно перед приходом населения приморской культуры шнуровой керамики. Посуда постцедмарского типа могла оказаться здесь в результате культурных контактов. Прежде всего на это указывают находки из жилых сооружений.

Пористая керамика с раковинной примесью, зафиксированная в жилищах параллельно с керамикой смешанного типа, также явно соответствует цедмарской. Своеобразный вид этой керамике придает венчик Г-образной формы (рис. 2: 3, 8). Посуда с аналогичной профилировкой известна из довоенных раскопок на стоянках Цедмар А и Д [11, Abb. 2, 10].

Орнамент на данной керамике, как впрочем и на посуде со смешанной примесью в большинстве своем поверхностный, что тоже не редкость для цедмарской культуры. Лишь два фрагмента, один из постройки 7, другой из культурного слоя, отличаются декором в виде отчетливо выраженных ямок удлинённой или полукруглой формы (рис. 3: 5, 6). Типологически фрагменты напоминают керамику гребенчато-ямочной керамики. Отдаленные и более близкие аналогии происходят с памятников на территории Северной Польши и Калининградской области: Бяла Гура (*Weißenberg*), Домбек (*Eichenberg*) и Цедмар Д [11, S. 19, Abb. 58, 59, 67, 68]. Но в силу наличия как минеральной, так и органической примеси данные фрагменты все-таки стоит относить к гибридным формам и связывать с цедмарской культурой.

Пока видятся преждевременными какие-либо выводы широкого характера. Однако сам факт наличия на побережье материалов, типологически близких цедмарским, а также хозяйственных объектов, датируемых ранним и средним неолитом, вряд ли может вызывать сомнения. Предположительно, для этих древностей присущи и территориальные особенности, что, судя по некоторым образцам, выразилось в формах и орнаментации посуды. Но это явление может быть связано с различиями в культурных контактах населения побережья и внутренних районов.

Список литературы

1. Ванкина Л. В. Торфяниковая стоянка Сарнате. Рига, 1970.
2. Гирининкас А. Крютуонас. Средний и поздний неолит // *Lietuvos Archeologija*. 1990. №7.
3. Гурина Н. Н. Из истории древних племен западных областей СССР. Л., 1967.
4. Зальцман Э. Итоги исследований поселений приморской культуры Прибрежное и Ушаково-3 // *Studia i materiały do badań nad neolitem i wczesną epoką brązu na Mazowszu i Podlasiu*. Warszawa, 2015. Т. 5. S. 5–47.

5. Лозе И.А. Поселения каменного века Лубанской низины: мезолит, ранний и средний неолит. Рига. 1988.
6. Тимофеев В.И. Керамика неолитического поселения Утиное болото I // Краткие сообщения Института археологии. М., 1983. Вып. 173. С. 103–108.
7. Тимофеев В.И. Памятники типа Цедмар // Неолит Северной Евразии. М., 1996. С. 162–165.
8. Тимофеев В.И., Зайцева Г.И., Поснерт Г. Радиоуглеродная хронология цедмарской неолитической культуры в Юго-Восточной Прибалтике // Археологические вести. СПб., 1998. Вып. 5. С. 72–77.
9. Тимофеев В.И. Цедмарская культура в неолите Восточной Прибалтики // Тверской археологический сборник. 1998. Вып. 3. С. 273–280.
10. Ebert M. Reallexikon der Vorgeschichte. Ostpreussen. Berlin, 1927.
11. Gaerte W. Die steinzeitliche Keramik Ostpreußens. Königsberg, 1927.
12. Gumiński W. Kultura Zedmar. Na rubieży neolitu “zachodniego” // Od neolityzacji do początków epoki brązu. Poznań, 2001. T. 2. S. 133–152.
13. Gumiński W. Szczepanki 8. Nowe stanowisko torfowe kultury Zedmar na Mazurach // Światowit. Warszawa, 2003. T. 5 (46). Fasc. B. S. 52–104 (PL. 15–38).
14. Król D. Elementy stratygrafii zespołu osadniczego z epoki kamienia w Rzucewie // Aktualne problemy epoki kamienia na Pomorzu. Gdańsk, 2009. S. 261–267.
15. Rimantienė R. Šventoji. Narvos kultūros gyvenvietės. Vilnius, 1979.
16. Rimantienė R. Nida. Senųjų baltų gyvenvietė. Vilnius, 1989.
17. Stadie K. Die Steindörfer der Zedmar // Festschrift für A. Bezenberger. Göttingen, 1921. S. 148–165.
18. Zaltsman E. Chronological problems with sites of the Primorskaya culture on the north-eastern coast of the Vistula Lagoon // Sprawozdania Archeologiczne. Kraków, 2016. T. 68. P. 263–299.

Об авторе

Эдвин Борисович Зальцман — науч. сотр., Институт археологии РАН, Москва; канд. ист. наук, доц., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград.

E-mail: edwin_zalcman@mail.ru

About the author

Dr Edwin Zaltsman, Research Fellow, Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences; Associate Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad.

E-mail: edwin_zalcman@mail.ru